

На правах рукописи

Лыков Эдуард Николаевич

**Полицейские практики в европейской культуре: философско-
антропологический анализ**

09.00.13 – философская антропология, философия культуры

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Белгород 2021

Работа выполнена на кафедре философии и теологии
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

Научный руководитель

Липич Тамара Ивановна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии института общественных наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Официальные оппоненты

Щавелев Сергей Павлович, доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации;

Артюх Александр Витальевич, кандидат философских наук, доцент кафедры профессионального обучения и социально-педагогических дисциплин ФГБОУ ВО «Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я. Горина».

Защита состоится «12» ноября 2021 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета БелГУ.09.02 на базе НИУ «БелГУ» по адресу 308600 г. Белгород, ул. Преображенская, 78, ауд. 23.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке НИУ «БелГУ» и на сайте НИУ «БелГУ» (<http://www.bsu.edu.ru>).

Автореферат разослан «__» _____ 2021 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат философских наук, доцент

С.В. Резник

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. При том, что полиция составляет неотъемлемый «фон» нашей жизни, сопровождает человека в его обыденном, повседневном существовании, она не часто становилась объектом философской рефлексии. Даже с учетом того, что полиция всегда появляется или сопровождает некоторые экстраординарные события, они же происшествия в жизни человека. Философский дискурс настойчиво игнорирует полицию как объект исследования или же, в редких случаях, наделяет ее негативными значениями, подобно Вальтеру Беньямину, пишущему о смешении в институте полиции правоустанавливающего и право поддерживающего насилия, что ведет к деградации легитимного насилия в целом. Возможно, что эта идея, ясно выраженная В. Беньямином, может служить несостоявшейся популярности полиции как исследовательского объекта в XX веке.

Поскольку для века XIX, а также XVIII и даже несколько ранее характерно другое восприятие и отношение к полиции. Понятие «полиция» входило в целый ряд популярных концепций, активно использовалось учеными и управленцами по всей Европе. Немецким ученым этого периода принадлежит теоретизация популярной модели «полицейского государства» с соответствующей теорией государственного управления. Европейские и российские монархи (от Петра и Екатерины II) возлагают на полицию заботу о благополучии граждан и государства в целом. Полиция понимается как инструмент обеспечения блага частного и общественного. Вслед за теоретической разработкой такого совмещения французскими просветителями, теоретики государственного администрирования пишут об этом в контексте обоснования науки о полиции.

Все изменил XX век, в котором полиция стала своеобразным «слепым пятном» не только для философии, но также большинства общественных и гуманитарных наук. Вполне возможно, что теория «полицейского государства», полицейского администрирования действительно была

соотнесена с негативным опытом столетия и практикой тоталитарных режимов. Общий тренд на создание и обоснование преимуществ правового государства (конкурирующей концепции государственного устройства) сделал непопулярным обращение к теории «полицейского государства». Полиция как объект исследования также не была востребована, хотя всегда находилась рядом с наиболее актуальными проблемами западной политической философии, этики, философии власти, философской антропологии.

Исключением был Мишель Фуко, который в курсе «Безопасность, территория, население» посвятил полиции две лекции, а также несколько более локальных текстов. Полиция возникает в них в контексте исследования властных практик, археологии практик администрирования, которые Фуко извлекает из ткани европейской истории от Античности до современности. Люк Болтански гораздо позднее (в 2012 году) издает работу «Тайны и заговоры. По следам расследований», во-многом продолжая фукианскую линию анализа полиции. Но дискурсивная природа рассматриваемого феномена в обоих случаях оставляет пространство для разговора о конкретных антропологических, культурно-антропологических практиках, которые можно было бы назвать полицейскими и, возможно, прийти к обоснованию позитивного восприятия этого института. По крайней мере, добавить еще одну философскую работу к тем немногим имеющимся, чтобы сфокусировать исследовательское внимание на «слепом пятне» под названием полиция.

Степень научной разработанности проблемы.

Мы уже отмечали, что феномен полицейских практик связан с многими фундаментальными проблемами, но практики остаются в их «тени», скрытыми и связанными с ними, не рассматриваются самостоятельно. Среди таких проблем, проблема власти и силы, использования насилия. В этом контексте проблема полицейских практик присутствует в классической философии уже в Античности, в работах Платона и Аристотеля, представителей эллинистической философии. Связан с проблемой

определения насилия как зла в средневековой философии, работах Аврелия Августина и Фомы Аквинского. Более широко представлен в контексте теории государства, проблемы суверенной власти монарха и обеспечения безопасности граждан в работах Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье и др.

Достаточно ценными для понимания истории возникновения института полиции и связанных с ней практик представляются работы историко-юридические и правоведческие. Исследования Н. Деламара, И.Г.Г. Юсти, Й. Зонненфельца, А. Ульриха, Х. Берга, М.М. Ковалевского, Е. Анисимова, Т. Саймона раскрывают эволюцию понимания полиции в европейской мысли XVIII-XIX веков. Отметим, что исчерпывающее исследование этого аспекта не являлось для нас целью и было необходимо для выявления основных смыслов.

Не менее важным для понимания антропологической специфики полицейских практик являются исторические и антропологические исследования, представленные работами Б. Андерсона, А. Барбье, Р. Дарнтон, Р. Жирара, Э. Навиля, Э. Канторовича, К. фон Кревельда, М. Мосса, Ж. Батая, Р. Кайуа. К этим работам в части понимания полицейских практик как практик обеспечения мира и ограничения насилия примыкают работы А.П. Назаретяна, Дж. Даймонда, К. Лоренца, С. Пинкера, С.Н. Борисова, А.В. Римского, А.В. Артюха,

Тесная связь института полиции и проблемы безопасности раскрывается в работах Ю. Авдеева, Н. Н. Арзамаскина, Ж. Бодрийяра, А. Бернгарда, И. Ильинского, Б. Крылова, В. Кудрявцева, М. Коупленд, В. Лунева, Д. Лонга, В. Маллисона, Д.В. Ольшанского, А. С. Панарина, В. С. Пирумова, В. Петрищева, Ч. Руби, Ю. Ромашева, Б. Хоффмана, Х. Хофмайстера, А. В. Шершнёва и др.

Современные трактовки полицейских практик, рассматриваемые в контексте феноменов суверенности и «голой жизни», биополитики и утраты политического, тайны и перепроизводства символического мы находим в работах Дж. Агамбена, С. Жижека, К. Шмитта, В. Беньямина, П. Бурдьё, Э.

Гидденс, Ж. Делеза, Ж. Деррида, А. Бадью, Ж.-Л. Нанси, Л. Болтански, П. Боянич, В. Савчука, Р. Салецл.

Особую роль в исследовании полицейских практик играют работы М. Фуко, который обращался к анализу полиции в контексте целого ряда своих работ по генеалогии власти. Проследить его трактовку властных практик, в контексте которых рассматривается и полиция, можно начиная от работы «Истории безумия в классическую эпоху» (1961), «Рождения клиники» (1963), посвященных психиатрическому и медицинскому дискурсам; работе «Слова и вещи» (1966), «Археологии знания» (1969), дающих понимание методологии фуколдианского анализа дискурсивных формаций и продуктивной концептуальной связке знание – власть. История развития и трансформации властных практик прослеживается от работы «Надзирать и наказывать» (1975), посвященной пенитенциарной системе, до курсов лекций, прочитанных в Коллеж де Франс, «Безопасность, территория, население» (1977-1978 учебный год), «Рождение биополитики» (1978-1979 учебный год), «Герменевтика субъекта» (1981-1982 учебный год), «Управление собой и другими» (1982-1983 учебный год), а также курс лекций, прочитанный в университете Рио-де-Жанейро в 1973 году и изданный в сборнике «Интеллектуалы и власть» под названием «Истина и правовые установления».

Отметим также, что методологическую основу, наряду с трактовкой полиции М. Фуко, понимание полицейских практик как практик культурно-исторических, составили работы М.К. Петрова, а также развитие его идей в работах В.П. Римского. В частности, его трактовка культуры и цивилизации, понимание трансформации практик, данное в коллективной монографии «Учреждающая дискурсивность Михаила Петрова».

Небольшое количество исследований посвященных феномену полиции, тем более в рамках философского дискурса, позволяет сделать вывод о том, что исследование полицейских практик в европейской культуре имеет научный потенциал и может считаться актуальным. Исследование полицейских практик в контексте развития идей М. Фуко и М.К. Петрова

может внести вклад в разработку как фундаментальных проблем современной философии, так и прикладных аспектов осмысления института полиции.

Исходя из вышесказанного, мы выделили **объект диссертационной работы**: *антропологические практики в истории европейской культуры*.

Предмет исследования: *полицейские практики в европейской культуре*.

Цель исследования – *философско-антропологический анализ полицейских практик в границах европейской культуры*.

Реализация поставленной цели обусловила постановку и решение следующих **задач**:

- осуществить культурно-историческую идентификацию феномена полиции;
- выявить антропологическую специфику полицейских практик в европейской культуре;
- проанализировать полицейские практики в их соотнесенности с феноменами силы – насилия, нормы – чрезвычайного положения;
- реконструировать практики расследования в европейской культуре как часть полицейских практик.

Научная новизна исследования:

1. Осуществлена культурно-историческая идентификация феномена полиции и дано ее определение как института, вмещающего как практики (совокупность исторически и культурно сложившихся способов деятельности) по охране общественного порядка, так и соответствующие им ментальные практики (культурно и исторически обусловленные способы мыслительной деятельности);

2. Антропологическая специфика полицейских практик в европейской культуре образована практиками управления и ограничения насилия национального государства, формирующими противоречивый объект полицейского контроля, как Другого, который понимается как субъект права, а также как жертва и «простая жизнь», объект биополитики;

3. Использование полицией силы для обеспечения порядка и безопасности проблематизирует феномен суверенитета, соотношение полиции и политического, а также феномен амбивалентности силы полиции, раскрывающийся в ситуации чрезвычайного положения;

4. Осуществлена реконструкция практики расследования в европейской культуре, которая включала в себя, соприкасалась и соседствовала с научными практиками сбора и обработки эмпирических данных, медицинскими практиками постановки диагноза, а также психоаналитическим вниманием к скрытым и незаметным проявлениям человеческой природы, уликовым практикам из искусствоведения и литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Поле философской рефлексии полиции в европейской философии охватывает проблемы власти, легитимности власти и суверенности, силы и насилия, а выход за границы философского дискурса дает возможность соотнести полицию с феноменами управления, порядка и безопасности. Обращение к истории этого института и исследование генезиса практик, которые лежат в основе полиции, позволяет определить полицию как институт, вмещающий как практики (совокупность исторически и культурно сложившихся способов деятельности) по охране общественного порядка, так и соответствующие им ментальные практики (также культурно и исторически обусловленные способы мысле-деятельности);

2. Полиция возникает как государственный институт, в противовес институтам и практикам обеспечения безопасности феодального общества. Национальное государство нуждалось в инструменте для обеспечения порядка, представляющего всех граждан, что в логике отношений с Другим связано с дилеммой отношения к Другому, который не такой же как я, не близкий и одинаковый, не находящийся рядом и выпадающий из порядка. Упорядочивание в отношении такого Другого, который предстает и понимается как универсальный Субъект, субъект права, а также жертва

(возможная жертва, предполагаемая жертва) и «простая жизнь», объект биополитики, осуществляется полицейскими практиками;

3. Обеспечение порядка/безопасности полицией связано с использованием силы, что раскрывает конститутивную для полицейских практик сложную сборку 1) единства во множестве национальной общности и проблемы суверенитета – противоречивого источника института полиции; 2) соотношения полиции и политического, или иначе, проблемы объекта упорядочивания, защиты «жизни» или установлением идеологически (политически) ангажированного порядка; 3) проблемы угрозы власти и амбивалентности силы полиции, применение которой всегда (потенциально) ставит вопрос чрезвычайного положения;

4. Практика расследования в европейской культуре возникает в эпоху Нового времени как сложная компиляция из исследовательских, медицинских, психоаналитических, журналистских и искусствоведческих практик атрибуции произведений искусства. В контексте фуколдианского понимания дисциплинарных практик и трактовки реальности Л. Болтански, расследование можно понимать, как двойственную процедуру установления истины в аспекте ее отношений с бытием, выявлении фактов, единиц объективной или естественной реальности, а также фактов социальной жизни в соотнесенности с социальными нормами, с тем существенным дополнением, что среди всех форм расследования, полицейское связано с наложением взыскания или наказания.

Теоретико-методологические основы диссертационного исследования составило научное наследие классиков отечественной и зарубежной философии, истории, истории права, культурологии. Основным методологическим инструментарием диссертации выступает синтез идей М.К. Петрова и М. Фуко, предпринятый с целью выявления полицейских практик в истории европейской культуры. Идеи М.К. Петрова о неразрывном единстве деятельности и коммуникации, о трансляции и трансмутации как универсальных механизмов передачи знания, позволили обратиться к

исследованию культурно-исторических практик сохранения мира и ограничения насилия. Выявить культурную и антропологическую специфику европейского пути формирования практик ограничения насилия.

Концепция дискурсивных формаций М. Фуко, разработанная им методология археологии знания дала возможность обратиться к истокам уликовой парадигмы (К. Гинзбург), практик расследования в европейской культуре, восходящих к христианским практикам дознания и досмотра духовного мира человека. Трактовка М. Фуко института как формы бытования практик, исторически изменяющихся и пересекающихся с другими практиками и дискурсами составила основу авторской концепции и позволила прийти к пониманию сложной и противоречивой природы полицейских практик.

Помимо этого, исследование культурной специфики полицейских практик потребовало обращения к культурно-антропологической и феноменологической методологии. Основу авторской концептуальной позиции составили диалектический, историко-философский, генеалогический, сравнительно-исторический, а также деятельностный методы.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется тем, что оно содержит элементы нового знания в форме философско-антропологической интерпретации феномена полицейских практик в европейской культуре.

Результаты исследования внедрены в практику преподавания БЮИ дисциплин культурологического и философских циклов, специальных курсов, а также способствуют общекультурной и профессиональной подготовке курсантов юридического института. Внедрение теоретических положений диссертации делает возможным подготовку практических рекомендаций по использованию результатов исследования в сфере обеспечения общественной безопасности.

Личный вклад автора диссертационной работы заключается в философско-антропологической интерпретации полицейских практик в европейской культуре; в концептуальном анализе «полицейских практик» в контексте основных концепций современной философии и выявлении их антропологической специфики. Предлагается оригинальная трактовка полицейских практик как совокупности практик обеспечения безопасности, проблематизирующих феномены силы/насилия, суверенитета и чрезвычайного положения; а также практики расследования, ставящей проблему умолчания политического как нормирующего фактора социальной реальности.

Личный вклад состоит в обосновании теоретической и научно-практической значимости работы, внедрении её результатов, в подготовке научных публикаций, отражающих основные положения диссертационного исследования.

Апробация результатов исследования. Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция: Наука. Искусство. Культура: актуальные проблемы теории и практики (Белгород, БГИКИ, 8 февраля 2019 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Государство и гражданское общество на современном этапе» (Белгород, 17 октября 2019 г.); Международная научная конференция «Философия: традиции и инновации» (Ростов-на-Дону, 25-27 ноября 2019 г.); Международной научной конференции «Что такое сообщество? Социальная герменевтика. Власть и медиа» (21-22 октября 2019 г.); IX Международной научно-практической конференции «Евангелие в контексте современной культуры» (Белгород, 15 мая 2021 г.).

Положения и выводы диссертации были использованы при чтении курсов лекций и проведении практических занятий для курсантов Белгородского юридического института.

По теме диссертации опубликовано 9 научных работы общим объёмом 2,3 п.л., в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, 1 статьи в журнале, включенном в библиографическую базу данных Скопус.

Диссертационная работа обсуждалась на заседании кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета и рекомендована к защите.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих 4 параграфа, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются его объект, предмет, цель и задачи, определяется степень разработанности проблемы, научная новизна и практическая значимость, представляются основные положения, выносимые на защиту.

В *первой главе* **«Полицейские практики в европейской культуре: теоретико-методологические экспликации»** осуществлена попытка проанализировать теоретические подходы к осмыслению феномена полиции и полицейских практик в западной философской традиции и социально-гуманитарной мысли.

В *первом параграфе* **«Полиция как предмет философского и социально-гуманитарного исследования»** реализована концептуально-теоретическая проработка проблемного поля исследования.

Общий концептуальный контекст или поле философской рефлексии полиции в европейской философии составляют проблемы власти, легитимности власти и суверенности. Полиция как институт обеспечения безопасности соотносится также с понятием силы и насилия, что образует еще один контур философской рефлексии, очерченный гораздо дальше, чем Новое время, поскольку берет свое начало в Античности. При этом спекулятивность исследования полиции преодолевается через обращение к истории этого института и исследования генезиса тех практик, которые лежат в основе не столько полиции, а также несколько шире. систем обеспечения мира либо же практик локализации насилия.

Полиция, как институт имеющий отношение к жизни непосредственного «живого» или исторического человека, должна рассматриваться исторически, а значит иметь начало, обусловленное некоторыми причинами, складываться на основе определенных предпосылок, и быть укорененной в «жизненном мире» человека, соотноситься с его непосредственной деятельностью. И в таком понимании полиции мы можем обратиться к концепции наследования деятельности и знания М.К. Петрова.

Его трактовка истории привлекательна для нас тем, что дает объяснение тому, как изменяется и наследуется практика и знание, создаваемое людьми. В контексте такого широкого рассмотрения жизнедеятельности человека полиция находит свое место как институт, который служит формой для определенных видов человеческой практики.

В этой связи полиция может быть определена как институт, вмещающий практики (совокупность исторически и культурно сложившихся способов деятельности) по охране общественного порядка, а также соответствующие им ментальные практики (также культурно и исторически обусловленные способы мысле-деятельности).

Таким образом, полиция рассматривается нами как институт сохранения общественного порядка в широком смысле. Полиция объединяет все виды деятельности, которые связаны с сохранением общества, порядка, существующего положения вещей. Этимология слова полиция, от греческого *πολιτεία* – город, государство, позволяет несколько конкретизировать сферу сохранения и ограничить ее пределами государства или полиса. Вся совокупность деятельности, направленная на сохранность государства, может быть отнесена к полицейским практикам. Последние рассматриваются нами в контексте исторически изменяемой совокупности административного управления национальным государством, научной рациональности, как и науки вообще, включая методы научного исследования.

Вслед за М.К. Петровым и М. Фуко, полицейские практики по рассматриваются нами как силовые, связанные с силой и насилием, а также как соотносящиеся со знанием, что находит свою конкретизацию в расследовании. Принимая исторический или, точнее, историко-культурный взгляд на полицию как объект исследования, мы разделяем методологическую установку, согласно которой исторический субъект, формируемый непосредственной практикой и включенный в конкретные формы коммуникации, дискурсивные формации, может быть соотнесен с полицией как объектом исследования.

Во *втором параграфе* «**Общественный порядок и создание национального универсума**» выявлены истоки полиции как института и определяющие смыслы полицейских практик.

В современном понимании этого слова, полиция возникает в эпоху Нового времени, что связано с существенными сдвигами, как институциональными, так и иными, произошедшим в Европе. Прежде всего, отметим, что полиция возникает как *государственный институт*, в противовес институтам и практикам обеспечения безопасности феодального общества. Национальное государство и присущие ему практики управления и контроля насилия нуждались в инструменте для обеспечения порядка, представляющего всех граждан. И это определяющий момент для антропологии и генеалогии полиции, которая может осуществлять свою функцию, устанавливая порядок и поддерживать его, только оставаясь в качестве такого элемента государства, равно представляющего всех граждан.

Описание подобной представленности мы находим у А. Бадью, который в своей «Этике» пишет о признании Другого как фундаментальной философской проблеме. В контексте нашего исследования эта проблема звучит как дилемма отношения к Другому, который не такой же как я, не близкий и одинаковый, не находящийся в этом смысле рядом и выпадающий из порядка (ряда). У-порядочивание как наведение порядка возможно только в отношении такого Другого, который предстает и понимается как универсальный Субъект, субъект права, а также жертва (возможная жертва, предполагаемая жертва). Такой Другой необходим полиции, для ее существования и возникновения, что проблематизирует отношения силы и насилия, защиты и наказания, которые мы можем определить, как конститутивные для полиции.

Другой аспект понимания субъекта полиции как жертвы связан с установкой Бадью на понимание Другого как внутренне двойственного, одновременно животного и превосходящего животное. На институциональном уровне эта двойственность Другого проявляется в том,

что полиция позиционируется как вне-политическая инстанция, осуществляющая у-порядочивание на до-политическом уровне, но «работающая» с самым основанием политического. Полиция предстает как инструмент обеспечения безопасности и сохранения жизни, инструмент биополитики. В категориях Дж. Агамбена объект полиции и биополитики есть *homo sacer*, священная жизнь или «голая жизнь». Она есть предел суверенной власти и начало любой власти. *Homo sacer* (жертва, Другой как жертва) является предельным объектом, он кладет начало и конец суверенной власти, а также раскрывает механику чрезвычайного положения. Возникает важная и неочевидная связь полиции как с суверенным и прямым отправление власти, так и с поддерживаемой нормой. Противоречиво раскрывается также объект порядка, соотносимый с «голой жизнью» как пределом и истоком власти и суверенности, который делается явным в ситуации чрезвычайного положения. Оно само может пониматься как некий ускользающий объект, к которому стремится и от которого отдалается власть и полиция как ее инструмент.

Таким образом, полиция возникает в комплексе институций, осуществляющих контроль. Контроль индивидов, контроль не столько за соблюдением закона, но более за возможностью совершения правонарушения, склонностью к ним, предсказанию их количества и прочему, находящемуся в модальности предположения, ожидания и прогнозирования. Полиция с ее всеобъемлющими функциями охватывает гораздо больше, чем просто фиксацию факта нарушения закона и передачу преступника в руки суда, скорее речь идет о форматировании человека, его создании (дисциплинарные педагогические практики) и прогнозирования его поведения (статистика и психология). Биополитика и практики поддержания порядка, связаны с особым типом знания, который можно назвать научным и который можно локализовать в такой технике познания как расследование.

Во *второй главе «Полицейские практики: философско-антропологический анализ»* исследованы полицейские практики в истории европейской культуры в аспектах применения силы/насилия, а также выявлена

специфика расследования как интеллектуальной антропологической практики.

В *первом параграфе «Антиномии насилия и суверенности»* полицейские практики раскрываются в антиномиях силы и насилия, а также порядка и чрезвычайного положения.

Полиция, возникнув позднее судебной системы и армии, институтов контроля и силы, предстает сугубо государственным институтом. Возникает новая конфигурация власти, в которой сувереном становится коллективный субъект – народ, и его инструментом как раз и является полиция. Также мы отметили, что одной из важнейших функций пересобранного суверена является обеспечение безопасности всех и каждого. И в обеспечении этой безопасности полиция имеет право использовать силу, что также раскрывает возможность для злоупотребления ею и для угрозы самой власти.

Поскольку самым известным и, вероятно, репрезентативным источником, собирающим все элементы нашей проблемы, является «Левиафан» Т. Гоббса и помимо оригинала есть обращение К. Шмитта к нему и Дж. Агамбена, то мы обратимся к последнему как наиболее близкому к нам по времени. Анализ оптической иллюзии, изображенной на фронтисписе издания Т. Гоббса, на уровне репрезентации, само отождествления и идентичности раскрывает парадокс единого и множественного тела Левиафана. Сравнение и отсылка к оптической иллюзии, предложенное Агамбеном, оказывается весьма точным, поскольку народ как единство распадается при передаче власти суверену. И отсюда утверждение Агамбена о том, что у народа нет собственного тела. Есть множество естественных тел и есть тело монарха, тело народа – политическое тело, есть тело моментального распада. И если мыслить полицию в этом контексте, то напряжение между естественным множеством и народом, о котором пишет Агамбен, присуще и ей, находящейся между исключенными из политического естественными телами массы и сувереном. Одновременно имеющей дело с телами, по Гоббсу естественными телами (голой жизнью) и, с суверенной властью, ее

непосредственной реализацией, а значит и политическим (даже взятом в его максимуме), полиция занимает специфическое положение «между».

Под этим положением можно понимать также как промежуточное состояние, процесс, а также угрозу возврата к исходному состоянию войны. Мы можем предположить, что полиция, наряду с судебной системой и армией, предотвращает такую возможность. Согласно схеме Агамбена, должен образоваться круг перехода от «разобщенного множества» к народу и суверену, далее к «растворившемуся множеству» (естественным телам граждан государства), через гражданскую войну снова к «разобщенному множеству» естественного состояния. Тем самым множество, лишённое политической репрезентации вне суверена и его представительства, в схеме Гоббса действительно не имеет собственного места в городе. Оно может быть представлено только кем-то, замещающим, и Агамбен отводит эту роль фигурам стражников и двух фигур с масками чумных докторов. Обе эти фигуры, и стражников, и чумных докторов вполне соотносимы с функциональностью полицейского. Возвращаясь к ранее выявленному нами, полиция равно осуществляла контроль над заболеваемостью и обеспечением безопасности на городских улицах. Оптическая иллюзия Левиафана помещает полицию в пустое пространство города как репрезентант самой непредставимой фигуры народа.

Помимо этого, поскольку полиция возникает как пограничный объект, возможно также действует как катализатор этих переходов от одного состояния к другому, сопровождая правоприменительное насилие (Беньямин) и имея потенциал доведения его до крайности, или, сопровождая миграцию суверенитета (Шмитт) к его радикальным насильственным формам (гражданской войны, диктатуры). Обладая силой для поддержания порядка, полиция потенциально несет угрозу превращения этой силы в насилие.

Во *втором параграфе* **«Расследование как интеллектуальная практика»** проведен анализ практики расследования, выявлены ее истоки в

охотничьих практиках выслеживания добычи, переход расследования в сферу интеллектуальной дисциплины, духовных практик, административных.

Полиция, как понимаем мы ее сейчас, была сконфигурирована рядом практик, которые мы называем полицейскими в своей совокупности (на первый взгляд неочевидной и даже внутренне противоречивой) и которые разрозненно принадлежат разным сферам человеческой жизни, но все вместе «работают» несколько иначе и образуют то, что сегодня называется полицией. К ним можно отнести не только дисциплинарные практики, если пользоваться терминологией М. Фуко, практики силовые или насильственные, но также интеллектуальные. Ключевым здесь будет выступать слово – расследование.

К. Гинзбург возводит расследование к уликовой парадигме как форме знания, исходно связанной с поиском добычи охотником. В эпоху нового времени в комплекс, сформировавший полицейскую практику расследования, вошел целый ряд практик, общей сутью которых было внимание к уликам как незначительным (незаметным) частям целого. Разрозненные эмпирические данные для успешного поиска (расследования) должны быть упорядочены. Следопыт (следователь) предстает не только тем, кто видит следы, может их найти (они скрыты и это также весьма важно), но также и тем, кто может привести их в порядок, выстроить цепочку следов. По Гинзбургу рассказать может тот, кто смог прочесть следы.

Охотничья уликовая парадигма дает начало многим формам знания, не только полицейским, но также медицинским, судебным (юридическим) и журналистским практикам расследования. Вполне вероятно, что любимая М.К. Петровым деятельность пиратов как лаборатория практик, также может быть соотнесена к деятельности, оперирующей случайным и уникальным. Это еще раз подкрепляет доводы в пользу общего контекста эпохи Нового времени, капиталистических отношений, буржуазии и возросшего внимания к частному. При всей противоречивости, в контексте категорий частное – общее, уникальное – универсальное, модерн соединяет капитализм и индустриализацию с его массовым производством и появлением

личности/индивида как фигуры рефлексии и жизни конкретного человека. Также как надзор и военная мощь полицию с практиками идентификации с обезличенными практиками военных машин национальных государств.

Для Гинзбурга этот переход связан с появлением буржуазии и книгопечатания. Отметим также, что распространение посредством печатного слова уликовой парадигмы осуществляется в кардинально изменившемся интерьере эпохи. Это уже не пространство природы, в котором охотник преследует добычу, или море, в котором труд мореплавателя или пирата сталкивается с непредсказуемостью стихии и требует уникальных решений. Теперь это пространство города. Город буржуазии связан с трудом и торговлей, учетом и исчислением, заключением договоров и прочим, требующим записи.

Фуко утверждает, что процедура расследования тесно связана с христианскими практиками, которые были перенесены в сферу административного управления и несколько позднее в институт полиции. Религиозная практика нахождения истины через установление фактов, подтверждение их истинности, признание, была по сути духовной, но также и административной. С возникновением государства она заимствуется королевской властью, что меняет сам характер преступления, также как и ключевые фигуры расследования. От категории греха, присущей духовной технике расследования, происходит переход к категории ущерба в королевских судебных практиках и, далее к категории преступления, включая смыслы нарушения нормы и установленной реальности. Через посредничество развиваемой Фуко идеи администрирования, выявленной параллели между христианскими практиками и практиками дисциплинарными, можно попробовать соотнести расследование с пастырскими практиками, о которых пишет Фуко. В которых можно найти аналогии и фактам, и подтверждению их подлинности, соответствия норме, также, как и санкции. Вполне возможно, что духовные практики расследования по своей эффективности не уступают практикам полицейским.

По крайней мере, в аспекте поддержания той реальности, которая утверждается христианской верой.

Весьма неочевидную связь между полицией и литературой выявляет Л. Болтански, говоря о том, что расследование связано с проблематизацией реальности. То, что в литературе известно под именами тайны и заговора и является плодом фантазии автора, прямо соотносится с образом реальности, который конструируется и поддерживается национальным государством. И эта реальность или установленный порядок поддерживается институтом полиции и практиками расследования. В контексте фуколдиданского понимания дисциплинарных практик и трактовки реальности Л. Болтански, расследование можно понимать как двойственную процедуру в аспекте ее отношений с бытием. Ее двойственность отчасти пересекается с двойственностью силы в полицейских практиках, о которых мы писали выше. Расследование как установление истины, выявление фактов, единиц объективной или естественной реальности, фактов социальной жизни в соотнесенности с социальными нормами. Но также расследование как практика протекции реальности. Некого конвенционального поля отношений, ценностей, ожиданий и представлений. Отчасти это напоминает кантовскую дилемму соотношения ноуменальной и феноменальной реальностей. Только с той существенной поправкой, что наряду с гносеологической и онтологической проблематикой здесь есть элемент властных отношений. Среди всех форм расследования, журналистского, научного, религиозного, социологического и прочих, полицейское расследование связано с принуждением, наложением взыскания, наказания.

В заключении представлены основные выводы и намечаются перспективы дальнейшего исследования полицейских практик в истории европейской культуры и цивилизации.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в изданиях, индексируемых в Scopus и WoS

1. Eduard N. Lykov (2020). Rex Eris Si Recte Facias, Si Non Facias Non Eris. // International Journal of Early Childhood Special Education (INT-JECSE), 12(1): 612-617. DOI: 10.9756/INT-JECSE/V12I1.201045 (in coauth.). (0,5/0,2 п.л.)

Статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК

1. Лыков Э.Н. Возвращение политического в stasis, или еще раз о «голой жизни». Рецензия на книгу Дж. Агамбена «Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo sacer, II, 2». (СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2021. 190 с.) // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право – 2021. Том 46, – № 2. – С.417-418. (0,2/0,1 п.л.)

2. Лыков Э.Н. Левиафан и Бегемот. Феномен полиции в контексте идей о суверене и гражданине // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2021. – Том 7. Вып. 2. – С.144-150 (0,5 п.л.)

3. Лыков Э.Н. Влияние российского образования на поведение несовершеннолетних (философско-культурологический аспект) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2019. – Т. 8. № 4А. – С. 32-40. (0,5 /0,25 п.л.) (в соавт.)

Публикации в научных журналах и сборниках

1. Лыков Э.Н. Становление и развитие крымской государственности (историко-правовой аспект) // Россия в системе мировых цивилизаций: история и современность: материалы международной научной конференции. Белгородский юридический институт МВД России. – Белгород, 2014. – С. 45-50. (0,4 /0,2 п.л.) (в соавт.)

2. Лыков Э.Н. Особенности охраны общественного порядка и безопасности на объектах железнодорожного транспорта // Национальная Ассоциация Ученых. – 2015. – № 15-1 (15). – С. 140-142. (0,5 /0,25 п.л.) (в соавт.)

3. Лыков Э.Н. Основные причины возникновения преступности несовершеннолетних и молодежной преступности // Уголовно-правовые аспекты выявления, раскрытия и расследования преступлений: материалы

Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию российской полиции. – Белгород, 2018. – С. 25-32. (0,4 /0,2 п.л.) (в соавт.)

4. Лыков Э.Н. Молодежная преступность: культурологический аспект (общий обзор причин молодежной преступности) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2019. – № 2. – С. 34-38. (0,5 /0,25 п.л.) (в соавт.)

5. Лыков Э.Н. О преступности несовершеннолетних и молодежи // Российский следователь. – 2019. – № 8. – С. 55-59. (0,5 /0,25 п.л.) (в соавт.)